

Litera

Правильная ссылка на статью:

Хабиров К.А., Рудакова С.В. Мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова // Litera. 2025. № 6. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.6.74943 EDN: RERAWA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74943

Мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова

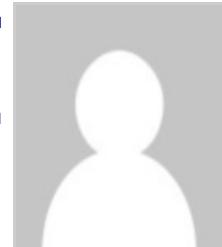
Хабиров Кирилл Александрович

ORCID: 0000-0002-8812-9073

аспирант; кафедра языкоznание и литературоведение; Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская обл., г. Магнитогорск, пр. Ленина, д. 38,

✉ xbirow@gmail.com

Рудакова Светлана Викторовна

ORCID: 0000-0001-8378-061X

доктор филологических наук

профессор, кафедра языкоznания и литературоведения, Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова

455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск, ул. Ленина, 38

✉ rudakovamasu@mail.ru

[Статья из рубрики "Мифы и мифологемы"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.6.74943

EDN:

RERAWA

Дата направления статьи в редакцию:

17-06-2025

Дата публикации:

24-06-2025

Аннотация: В статье исследуется мифопоэтика романов Андрея Алексеевича Аствацатурова ("Скунскамера", "Осень в карманах") как яркое проявление трансформации мифологических структур в современных художественных практиках. Цель данной работы заключается в выявлении особенностей переосмыслиния и

интеграции древних мифологем в современный русский роман, рассмотрении того, каким образом древние мифы о Сизифе и Одиссее, лишенные традиционного героического пафоса, обретают новые философские и экзистенциальные смыслы через ироническое и юмористическое дистанцирование автора. Предметом анализа данного исследования становится герой романов А. А. Аствацатурова, находящийся на границе между реальностью и мифом, где последнее является не только символическим освоением мира, но и катализатором философских рефлексий на тему настоящего. Одна из важных задач исследования – выяснения того, каким образом через юмор, иронию и литературную игру формируется новая мифопоэтика. Методологическая основа исследования – синтез мифопоэтического подхода, метода описательного анализа и метода обобщения текста. Комплексное применение этих методов дает возможность не только изучить мифологические образы и мотивы, но и проникнуть в глубинные слои текста, выявляя скрытые смыслы произведений А. А. Аствацатурова. Научная новизна работы состоит в комплексном рассмотрении взаимодействия мифологических архетипов с постмодернистской и метамодернистской эстетикой через призму литературной иронии, что позволяет выявить новые значения и функции мифа в современной русской прозе. Результаты анализа демонстрируют, что в текстах Аствацатурова миф становится не только инструментом художественной игры, но и катализатором философской рефлексии относительно повседневности, кризиса идентичности и поиска смысла в изменяющейся культурной парадигме. Полученные выводы расширяют представления о мифопоэтических процессах в современной литературе и могут применяться в дальнейшем анализе художественных текстов, где мифологическое начало сочетается с элементами иронии, интертекстуальности и метамодернистской чувствительности. Таким образом, статья актуализирует значимость исследования мифопоэтики как мультидисциплинарного инструмента для осмысливания новых культурных и антропологических тенденций, подтверждая, что художественное освоение мифа в произведениях А. А. Аствацатурова открывает возможности для многоуровневой интерпретации литературного текста в условиях современной российской и мировой словесности.

Ключевые слова:

Мифопоэтика, А. Аствацатуров, постмодернизм, ирония, роман, миф, Одиссей, Сизиф, Скунскамера, Осень в карманах

Введение

В последние десятилетия возрос интерес исследователей к мифу. Миф изучается на стыке антропологии, культурологии, психоанализа, философии и литературоведения [13],[17]. По-прежнему актуальны психоаналитические трактовки К. Г. Юнга [35] и его последователей, которые используют его теорию как в области психоанализа, так и в сфере изучения мифологических систем [26],[28].

Ряд исследователей изучает вопросы мифологической коммуникации [15],[27],[34],[33], в основе которой лежит особый код «доверие/недоверие», способный определять структуру любой социальной и культурной системы [16]. Миф рассматривается инструмент сознательного воздействия, при этом коммуникационное пространство становится мифологическим [27],[34], а миф обретает силу и власть, реализует свою собственную логику и причинно-следственные связи [15].

Современные исследования касаются и вопросов взаимодействия мифа и новых медиа, анализируя, как мифы адаптируются и переосмысяются в цифровой культуре: в кино, компьютерных играх, интернет-нarrативах и мемах [32], [42].

Выявляется тенденция к многоуровневому диалогу литературы с мифом не столько как с источником сюжетных схем, сколько как с инструментом формирования новых смыслов в условиях постмодернистской, а также постсекулярной культурной ситуации. В ряде работ [36], [43] акцентируется внимание на процессе ремифологизации: показывается, что современные писатели не просто эксплуатируют миф, а парадоксальным образом «возвращают» миф в действительность, создавая новые формы сакрализации через иронию, пародию на классические сюжеты. Современные филологи анализируют мифы не только как данность классической традиции, но как живой, гибкий нарратив, который может быть деконструирован, трансформирован и адаптирован в новых культурных и социальных контекстах [1], [4], [7], [8], [9], [31], [39], [40], показывают, как мифы используются для формирования (или разрушения) коллективной и/или индивидуальной идентичности и памяти [24], [37], [38].

В современных исследованиях мифа фокусируется внимание на его функциональной пластичности, интерактивности, возможности интеграции в новые медиумы и культурные контексты. В целом миф воспринимается не столько как пережиток, сколько как «живое» средство художественного моделирования, потенциально способное быть инструментом критических, творческих и терапевтических стратегий.

Актуальным становится переосмысление мифологических архетипов в условиях метамодернистской культурной парадигмы, в которой размываются границы между серьезным и ироническим, сакральным и профанным, устойчивым и фрагментированным, наблюдается сдвиг от классического мифологизма к новым формам мифопоэтического письма, ориентированного и на деконструкцию, и на реконфигурацию утраченного смыслового пространства.

Андрей Алексеевич Аствацатуров – писатель, литературовед, переводчик и культурный деятель, чье творчество занимает особое место в современной русской прозе. Имя его хорошо известно в академических кругах, а художественные произведения ценятся за интеллектуальную насыщенность, стилистическую точность и ироничную рефлексию над культурным наследием (как отечественным, так и западным).

Анализ исследований, посвященных творчеству А. А. Аствацатурова, позволяет говорить о возрастающем интересе к творчеству этого прозаика постсоветской России. Заметна выраженная тенденция к рассмотрению авторской идиостилистики и языковых экспериментов А. А. Аствацатурова. Т. О. Мусатова [19], [20], Ф. Ф. Пантелеева [23], Дж. Маркуччи [41] исследуют различные уровни языковой игры в текстах Аствацатурова – от фонетического и грамматического до лексического и словообразовательного. Особое внимание уделяется каламбуру, окказионализмам, использованию многозначности, игровой семантике и сближению разных уровней языковой структуры [19], [20], [23]. Эти работы позволяют судить о высокой степени лингвистической креативности прозы Аствацатурова, многослойности его текстов и специфике авторского стиля, близкого к постмодернистским стратегиям.

Ряд исследований посвящен изучению жанровых и композиционных особенностей прозы А. А. Аствацатурова, прежде всего его автофиксцен-практики. В статьях М. А. Серкиной,

А. С. Подковальниковой [29] и А. Д. Белогорцева [5] рассматривается специфика построения романов Аствацатурова, в частности его произведения «Люди в голом»: отмечаются сложная композиция, сочетание зарисовок и лирических рефлексий, органичность соединения автобиографического и художественно-выдуманного начала (псевдоавтобиографизм/автофикашн). А. Д. Белогорцев помещает творчество Аствацатурова в широкий контекст жанровых экспериментов новой русской и зарубежной прозы, отмечая аналитический подход этого автора к использованию автофикашн в своих произведениях [5].

Другое заметное направление в исследованиях прозы А. А. Аствацатурова – анализ особенностей его героя и специфики повествования. Так, П. В. Соколова рассматривает особенности главных героев Аствацатурова, выявляет их связь с типом «маленького человека», анализируя трансформации этого типа в условиях позднесоветского и постсоветского времени [30]. Б. В. Ковалев и А. П. Жуков сопоставляют методы описания «человека отчужденного», ландшафта, межличностных взаимоотношений и коммуникации в романе А. А. Аствацатурова «Не кормите и не трогайте пеликанов» (2019) и в произведении уругвайского прозаика Х. К. Онетти «Короткая жизнь» [12]. М. Т. Наср рассматривает творчество А. А. Аствацатурова в контексте российского интеллектуального романа XXI века, отмечая, что произведение «Не кормите и не трогайте пеликанов» оказывается на стыке постмодернизма и диджимодернизма. Именно М. Т. Наср обращает в своем исследовании внимание на особенности модели повествования А. А. Аствацатурова – концептуальность, мифотворчество и активное вовлечение читателя в игру с текстом [21].

Можно отметить интерес исследователей и ко внутреннему диалогу как к важнейшему элементу нарративной структуры романов А. А. Аствацатурова и его современников (В. Пелевина, М. Елизарова) [22].

Очевидна тенденция к созданию научных работ, учитывающих «пограничность» творчества А. А. Аствацатурова между постмодернизмом и новыми литературными направлениями, а также к интерпретации его текстов как примеров яркой интеллектуальной прозы, в которой художественная игра сочетается с культурно-философским осмыслением действительности.

В романах А. А. Аствацатурова мифологическая символика проявляется в скрытых структурах и иронических аллюзиях. Герои его романов – персонажи, лишенные традиционного героического ореола, пребывающие в пространстве культурного разлома: между памятью о великом и ощущением повседневной тривиальности.

В последние десятилетия мифопоэтический метод активно используется при анализе произведений, в которых мифология служит не только инструментом повествования, сколько способом осмысления экзистенциальных и социокультурных проблем современности. Цель нашей работы заключается в выявлении особенностей переосмысления и интеграции древних мифологем в современный русский роман, рассмотрении того, каким образом мифы о Сизифе и Одиссее, лишенные традиционного героического пафоса, обретают новые философские и экзистенциальные смыслы через ироническое и юмористическое дистанцирование автора. Одна из важных задач исследования – выяснения того, каким образом через юмор, иронию и литературную игру формируется новая мифопоэтика.

Мифопоэтика в современной филологии рассматривается двойственno. С одной стороны,

это понятие используется для обозначения специфического предмета изучения – различных проявлений мифологического, архетипического в художественных произведениях (сюжете, мотивах, образах и т. д.). С другой стороны, термин мифопоэтика определяет один из популярных методов филологического анализа, используемых для исследования воплощения мифа (и его составляющих) в художественном произведении. В своей работе мы будем при использовании понятия мифопоэтика, при учитывая обе интерпретации.

А. А. Аствацатуров – один из ярких писателей современной литературы, активно работающих с мифологическим компонентом. В его произведениях мифологическая символика представлена неявно, она скрыта за действиями персонажей. Это позволяет рассматривать романы Аствацатурова в русле мифопоэтического подхода.

История мифопоэтики в России берет начало с 1930-х годов. Исследователем, заложившим основы мифопоэтики в русскоязычной науке, стал В. Я. Пропп [25]. Его работы, в частности книга «Морфология волшебной сказки» (1928 г.), где он предложил метод анализа мифологических элементов через структуру народных сказок, стали важным этапом в изучении структуры мифа. Подход В. Я. Проппа к анализу омифологизированных сюжетовоказал влияние на дальнейшие исследования мифологического устройства. В западной литературе мифопоэтика приобрела популярность в 1960–1970-е годы, когда исследователи стали уделять внимание мифу как ключевому элементу постструктуралистской и постмодернистской литературы. Одним из значимых представителей западной мифопоэтики стал К. Леви-Стросс, чьи работы по структурному анализу мифа («Структурная антропология», [15] «Первобытное мышление» [14]) повлияли на развитие мифопоэтики в литературной теории. К. Леви-Стросс считал миф «языком» культуры, который опирается на определенные структурные принципы и бессознательные механизмы, через которые человек воспринимает мир.

Е. М. Мелетинский, размышляя о мифопоэтике, отмечал, что миф и мифологическое сознание имеют свою собственную логику, которая выходит за пределы рационалистического подхода и не ограничивается только историческим контекстом [17, с. 442]. Мифопоэтика, по мнению этого ученого, имеет нечто, что выходит за рамки сугубо исторического или культурного восприятия мифа, и этот элемент имеет «позитивный смысл», он не только необходим для исследования мифов, но и помогает лучше понять их влияние на человеческое сознание и культуру.

Интерес к мифопоэтике связан и с растущим вниманием к уникальной переработке мифологических образов в условиях изменяющейся культурной парадигмы. Традиционно мифы воспринимаются как неизменные архаические структуры, как основа человеческой культуры, но за последние десятилетия – в условиях замещения постмодернизма метамодернизмом – мифология начала играть другую роль. Мифопоэтика, перестав быть инструментом анализа прошлого, превратилась в активное средство осмыслиения новых эзистенциальных и социокультурных проблем. Мифологемы, адаптированные к современности, обретают динамичность, что открывает новые горизонты для их исследования в литературоведении.

Материалы и методы

Для анализа произведений А. А. Аствацатурова, в первую очередь их мифопоэтической структуры, использованы мифопоэтический метод, метод описательного анализа и метод обобщения.

Мифопоэтический метод ориентирован на анализ функционирования мифов в современном произведении, их трансформации в условиях метамодернизма и позволяет обнаруживать влияние мифов на сюжетную и символическую структуру художественного текста, а также рассматривать их как динамичные, изменяющиеся элементы, способные адаптироваться к новым культурным и философским контекстам. В данной работе мифопоэтический метод позволяет проанализировать особенности работы А. А. Аствацатурова с мифами о Сизифе и Одиссее, причем эти мифологические герои рассматриваются как образы, сопрягающиеся с новыми значениями, отражающими переживания и стремления современного человека.

Кроме того, в работе использовались и классические методы – метод описательного анализа и метод обобщения. Комплексное применение этих методов дает возможность не только изучить мифологические образы и мотивы, но и проникнуть в глубинные слои текста, выявляя скрытые смыслы произведений А. А. Аствацатурова.

1. Современный Одиссей

Один из ключевых мифологических образов, переосмыслиемых А. А. Аствацатуровым в его литературной практике, – Одиссей, герой, чьи путешествия и возвращения традиционно рассматривались как метафора человеческой судьбы и поиска смысла жизни. В произведениях же А. А. Аствацатурова образ Одиссея обретает новый постмодернистский ракурс, выходя за пределы традиционного мифологического контекста.

Классический Одиссей – герой, стремящийся к возвращению домой после долгих странствий, каждое его испытание служит метафорой человеческой борьбы с внешними и внутренними силами [18, II, с. 243-246]. У Аствацатурова же образ Одиссея трансформируется в персонажа, для которого путешествия и возвращения утрачивают героический пафос и становятся частью повседневности. Современный Одиссей в произведениях Аствацатурова – это человек, которому не нужно искать свой дом в физическом смысле, его «дом» уже найден, а все путешествия служат, скорее, поддержанию стабильности и комфорта. Вместо стремления к эпическим свершениям герой Аствацатурова оказывается поглощен необходимостью повторения ежедневных ритуалов, своего рода «командировок». Эти ритуалы реализуют своеобразный профанный аспект мифа, в котором эпос уступает место повтору как механизму поддержания идентичности.

Главный герой романа «Скунскамера», словно новый Одиссей, отправляется, но не в путешествие по морю, а в лабиринты собственного дома, семейной истории и городской топографии Петербурга-Ленинграда. Его одиссея – это не путешествие домой, а попытка разобраться в себе, найти «родину», свою основу, в мире фрагментарном, лишенном единого центра смысла, что отражает постмодернистскую деконструкцию классического мифа.

История Одиссея Аствацатурова становится повествованием не о борьбе и преодолении, а о том, как человек может мирно сосуществовать со своим привычным окружением. Путешествие героя в этом случае – не освобождение или обретение нового смысла, а необходимость поддержания текущего состояния, своего рода ритуал, который, возможно, не имеет великой цели, но обеспечивает эмоциональный комфорт и стабильность. Подобный подход к переосмыслению мифологического героя позволяет понять особенности иронии в творчестве Аствацатурова, заставляющего читателя воспринимать миф о поисках и возвращениях как абсурдное, но необходимое

продолжение повседневной жизни, лишенное трагизма и героизма, но пронизанное рефлексией о месте человека в этом мире.

Соединение серьезных мифологических тем с иронией позволяет писателю представлять древние мифы в новом свете. Персонажи, которые раньше олицетворяли страх, отчуждение и трагедию, становятся частью повседневной жизни, и появление в тексте сопровождается иронией: «Бомж тем временем встает рядом и начинает покачиваться взад-вперед, похоже, сам толком не зная, чего ему здесь желается. Наконец, произносит пьяным поплывшим голосом:

- Слыши, братан, мелочью не поможешь?
- Денег нет, – отвечаю.

Бомж стоит, раскачивается. Почему-то не уходит. И вдруг неожиданно высказывается:

– Работать надо! Работать! Понял?! – Он плюёт со злости в темную воду, и, пошатываясь, начинает двигаться в сторону Дворцового моста» [\[2, с. 61\]](#).

Важен тот факт, что для Аствацатурова характерно не заимствование отдельных фрагментов мифов, а их переосмысление через иронию, это становится специфической чертой как его художественного метода, так и философского подхода. У главного героя романа «Скунскамера» необычный взгляд на мир, чему находится ироничное объяснение – ведь на его голове «особый» шлем: «Ага, шлем, – подтвердил отец, – шлем олуха царя небесного» [\[3, с. 202\]](#). Автор сознательно пародирует и осовременивает мотивы Одиссея: долгие хождения по улицам города, воспоминания о различных ситуациях, случившихся с героем или его знакомыми, родными становятся аналогом морских странствий и испытаний Одиссея. Но вместо богов и чудовищ в истории современного Одиссея появляются странные люди, абсурдные обстоятельства, курьезы и бытовые трудности города. Мир вокруг героя – это «острова» памяти, некая музеификация, но в то же время – поле для конструирования личной мифологии. Путешествие воспроизводится в ироническом ключе, главный мотив античного мифа об Одиссее – «ностос» (в переводе с греческого возвращение домой) – превращается в мотив постоянного поиска и размышление о «доме», а история героя трансформируется в некий интеллектуальный «квест». Одиссей Аствацатурова – это своеобразный собиратель культурных текстов, фрагментарных воспоминаний, отсылок и цитат, которые складываются в бесконечно «одиссею» постмодернистской личности, реконструировать которую и должен подготовленный читатель.

Главный герой Аствацатурова не стремится сбежать от своей реальности и вернуться на свою «Итаку», как это делает, например, классический герой мифа, а, наоборот, воспринимает каждое «путешествие» (командировку) как необходимое условие для сохранения привычного порядка. Можно утверждать, что герой А. А. Аствацатурова не любит путешествия, они ему вредят, его жизненным принципом становятся слова И. Бродского из стихотворения «Пейзаж с наводнением» – «не выходи из комнаты, не совершай ошибку» [\[6, с. 561\]](#). Когда же он всё же покидает привычное пространство, то ощущает пустоту: «Мыслим, которые приходят в голову, когда сидишь взаперти, доверять нельзя. Так говорила Люся. Но других у меня никогда не было. И если мне приходилось выходить из дома, то в голове сразу делалось пусто» [\[3, с. 9\]](#). Для этого героя привычное – знак стабильности жизни.

Главный герой романа «Скунскамера» не совершает подвигов, не ведет борьбу во имя

высших идеалов, не выделяется ярко выраженной волей к действию. Это не герой-деятель, это герой-наблюдатель, рефлексирующий, иронизирующий над самим собой, его ценность проявляется не в способности преобразовать мир, а в способности к критическому восприятию, сомнению.

Немецкий приятель главного героя романа «Скунскамера», которого зовут Том, оказывается больше связан со стереотипным мифологическим образом Одиссея, чем сам главный герой: «Саша! Понимаешь, я вчера решил поехать в город Магнитогорск! – В Магнитогорск? – безо всяского интереса уточнил Ванин» [\[3, с. 50\]](#); «Ты понимаешь, – стал спешно объяснять Том. – Я вчера открываю атлас России, и мне попадается на глаза слово „Магнитогорск“. И я чувствую, оно меня магнитом тянет» [\[3, с. 50\]](#).

В романе «Осень в карманах» повествование строится как «путешествие по лабиринтам памяти», где главным становится не внешний антураж, а внутренние переживания и воспоминания героя. Это путешествие напоминает «Одиссею», но «возвращение домой» здесь превращается в метафору «возвращения» к себе, детству, культурным корням. Герой романа, Александр, оказывается в пространстве между прошлым и настоящим, между современным Петербургом и родным городом, как Одиссей между Троей и Итакой, но это путешествие имеет физический, а ментальный характер, оно иронично дистанцированно, связано с повторяющимися попытками самопознания героя.

Аствацатуров сознательно деконструирует миф об Одиссее в «Осени в карманах»: герой его романа часто цитирует классические тексты, иронизирует над традиционным образом Одиссея, воспринимающимся универсальным символом «вечного возвращения» и героем-кочевником, пересматривая его смысл в современных реалиях. Авторская постмодернистская ирония проявляется в том, что его современный Одиссей становится не только героем или даже антигероем, сколько героем-текстом, своеобразным палимпсестом культурных аллюзий. Пространство романа «Осень в карманах» наполняется разрозненными фрагментами воспоминаний, отдельных цитат, культурных отсылок, всё это создает ощущение, что герой возвращается не на «Итаку», а в своего рода музей собственного прошлого, где предметы и образы утратили прежнюю цельность и значение. И здесь мотив «возвращения» героя оказывается связан с мотивом бесконечного пересобирание модели идентичности из культурных и личных «осколков». Современный Одиссей перестает быть героем преодоления, становясь фигурой, ассоциирующейся с утратой. Жизненный путь этого героя – блуждание среди текстов и вещей, его путь домой превращается в ироническую мечту или даже в воспоминание о ней.

В произведениях А. А. Аствацатурова, как и в других текстах постсовременной прозы, фиксируется внимание на рефлексирующем и иронизирующем над самим собой герое, и в этом проявляется его соответствие времени. Он не совершает подвигов в традиционном смысле, его действия часто минимальны или вовсе отсутствуют. Этот герой выживает в хаосе, сохраняет индивидуальность в потоке знаков и информационного шума; для него, в отличие от классического Одиссея, главным становится не действие, не подвиг, а поиск смысла, интерпретация сделанного им самим и другими. Однако именно в этой пассивности, неспешной рефлексии, в особой чувствительности к языку, истории и памяти проявляется новый тип героизма – геройство сопротивления поверхностности, банальности, идеологическому автоматизму. Миф об Одиссее у А. А. Аствацатурова становится инструментом иронической рефлексии и постмодернистской игры: мифологический герой, введенный автором в современное пространство, не возвращается домой буквально, а бесконечно реконструирует свою идентичность,

перебирая культурные и личные «сувениры» прошлого. Возвращение утрачивает героический смысл, обретая характер некого культурологического жеста, представляющего собой попытку заново собрать себя из фрагментов большого нарратива.

2. Переосмысление образа Сизифа

Мифологический образ Сизифа, традиционно символизирующий бессмыленный, бесконечный труд, в произведениях А. А. Аствацатурова претерпевает значительные изменения. В классической мифологии Сизиф был наказан за свою хитрость тем, что должен был вечно толкать на гору камень, откуда тот постоянно скатывался вниз, не давая героям возможности достичь цели. Ярко образ Сизифа и его наказания описаны Гомером в его поэме «Одиссея»: «Видел я также Сизифа, казненного страшною казнью: / Тяжкий камень снизу обеими влеч он руками / В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упервшись, / Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины / С тяжкою ношей, назад устремленный невидимой силой, / Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень / Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши, / Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью [\[10, с. 178\]](#).

Этот миф о тщетности усилий и цикличности наказания воспринимался как метафора абсурдности человеческого существования. В творчестве А. А. Аствацатуров миф о Сизифе приобретает новые смысловые оттенки, выходя за пределы традиционного восприятия страдания и бессмыленного труда. Безусловно, учитывает Аствацатуров и интерпретацию этого мифа, переделенную А. Камю [\[11\]](#).

Камю в своей работе «Миф о Сизифе» рассматривает Сизифа как символ человеческой участии, обретенной на вечную, бессмыленную борьбу с судьбой. Герой Камю осознает абсурдность своего существования, но не капитулирует перед ним, а принимает его и находит в этом принятии определенную свободу.

А. А Аствацатуров, наследуя эту концепцию, наделяет своих персонажей схожими чертами. Они сталкиваются с бессмыслицей и хаосом окружающего мира, но не впадают в отчаяние, а продолжают действовать, искать смысл, пусть даже в том, чем они заняты. В отличие от Камю, представившего историю Сизифа как трагедию, Аствацатуров наполняет сизифов труд постмодернистским юмором и самоиронией. Сизифов труд уже не трактуется как наказание или проявление бессмыслицы. Это уже не символ бесплодных усилий, такой труд превращается в метафору стабильности и необходимости для поддержания привычного порядка. Для героев Аствацатурова, чьи жизни представляют собой череду рутинных действий и ежедневных обязанностей, труд Сизифа становится не тем, что должно быть преодолено или устранено, а тем, что поддерживает систему существования. Переосмыленный образ Сизифа символизирует не столько абсурдность человеческих усилий, сколько необходимость повторяющихся действий, которые создают предсказуемость в жизни.

Образ современного Сизифа выразительней всего представлен в романе «Скунскамера», насыщенном интертекстуальностью и ироничным переосмыслением традиционных нарративов. Миф о Сизифе приобретает особый смысл: рассказ ведется от лица героя, который погружен в повторяющиеся, кажущиеся бессмысленными, ритуалы и действия, лишенные видимого результата: «Вспоминания обычно даются мне через силу. Я, конечно, рассыпаю бисером буквы на клочки бумаги, пытаюсь бежать, оставаясь на месте, и даже улетаю в своем воображении в сторону отодвигающегося горизонта, закрытого типовыми постройками. Но слишком уж часто останавливаюсь и возвращаюсь

в настоящее» [3, с. 42]. Именно это «настоящее» – собственное существование – и становится тем «камнем», который вновь и вновь возвращает героя на исходную точку, не давая возможности двинуться далее. Особенности этой экзистенциальной борьбы отражаются в реплике: «Настоящее держит меня очень цепко, как порноактер порноактрису, и ни за что не отпустит» [3, с. 42]. Герой использует ироничную метафору, подчеркивая ею бессмысленность происходящего с ним. Происходит перевертывание мифа, что одновременно маркирует сдвиг в экзистенциальной оптике и вводит иронию по отношению к устоявшимся представлениям.

В романе «Осень в карманах» [2] А. А. Аствацатурова миф о Сизифе преломляется через призму постмодернистского мировосприятия, где центральными становятся темы абсурдности повседневности, повторяемости жизненного опыта, иронии к универсальным смыслам. Герой романа в своей неустанной борьбе с обыденностью подобен Сизифу. Он наполняет свою каждодневность рефлексией, самоиронией, уделяет внимание деталям (будь то осенний дождь, старый свитер или нелепая ситуация), превращая привычное в предмет философских размышлений – это и есть путь современного Сизифа. Важной особенностью трактовки мифа у Аствацатурова становится отказ от трагического и героического пафоса. Герой романа стремится не преодолеть абсурд жизни через бунт, а примириться с ним, увидеть в постоянстве ритуалов источник личного смысла.

У А. А. Аствацатурова Сизифов труд перестает служить трагическим символом разрушения и фruстрации. Вместо этого он превращается в своеобразный ритуал, который, несмотря на цикличность и повторяемость, обеспечивает устойчивость внутреннего мира героя и даже подобие некой гармонии. Речь идет не о стремлении к освобождению от повторяющихся действий, а о признании их значимости для сохранения той стабильности, которая заставляет героя видеть смысл и ценность в повседневной рутине. Через такой взгляд на миф о Сизифе у Аствацатуров открывает новые горизонты в понимании того, как человек может обрести смысл в устойчивости, обыденности своего мира, не изменяя, а принимая его таким, какой он есть.

3. Ироничное осмысление двойничества

Тема двойничества занимает значимое место в мифологическом мышлении, выступая универсальным способом выражения амбивалентности человеческой природы и онтологических представлений о мире. В рамках мифопоэтики фигура двойника служит не только символом внутреннего раздвоения, но и выражением более глубоких культурных и метафизических смыслов, связанных с природой субъективности, смертью, тенью, душой и границами идентичности.

Одним из самых древних и устойчивых мифологических представлений является идея двойника как душевной субстанции, сопровождающей человека. В египетской религиозной системе фигура Ка (духовного двойника) воспринималась как сущность, неразрывно связанная с человеком при жизни и продолжающая его бытие после смерти [18, II, с. 602]. Подобные воззрения обнаруживаются и в греко-римской культуре, где души умерших, пребывающие в подземном мире, сохраняли узнаваемые черты прижизненной личности, будучи одновременно «другими» и «своими». Такая парадоксальная соотнесенность «я» и «не – я» обнаруживается как в ритуальных практиках, так и в нарративах, где появление тени, отражения или астрального двойника ассоциируется с переходом в инобытие или предвестием судьбоносных событий.

В мифах североевропейской традиции, например, особенно отчетливо прослеживается представление о двойнике как зловещем символе. Так, в скандинавской мифологии

образ филджи (*fylgja*) – духовного спутника, принимающего облик животного или человека, – предвосхищает трагические повороты судьбы, включая смерть. Появление такого двойника в видениях или сновидениях нарушает порядок, вводя в повествование тревожный элемент неустойчивости и предопределённости. У А. А. Аствацатурова тема двойничества так же, как и другие, проводится через призму горькой жесткой иронии: «„Осей Бродским“ родители прозвали рыжего мясника, который работал в нашем гастрономе. Его настоящего имени никто не знал, но мама как – то раз за обедом сказала, что мясник в магазине на Тореза – „ну вылитый Ося Бродский“. И отец хмыкнув, с ней согласился. Называть мясника „Осей Бродским“ в нашем доме стало чем – то само собой разумеющимся» [\[3, с. 56\]](#).

Юмористические формы двойничества, включая пародийных двойников, представляют собой важный пласт мифопоэтики, в рамках которого классическая идея раздвоения трансформируется через призму иронии, гротеска и комического несоответствия. Появление таких персонажей обусловлено не столько онтологическим страхом перед «инаковостью» или смертью, сколько игрой с культурными архетипами, их демифологизацией и символическим обесцениванием. Такой подход особенно характерен для литературных и культурных систем, склонных к постмодернистскому размыванию сакральных смыслов.

Пародийный двойник, в отличие от трагического или зловещего, выполняет иную функцию: он обнажает условность культурных и литературных кодов, выявляет шаблонность героических мифов, разрушает пафос, заменяя его бытовыми, иногда абсурдными или комическими реалиями. Это особенно ярко проявляется в современной литературе, где традиционные мифологические сюжеты и образы (Одиссей, Сизиф, Геракл, Прометей и др.) получают неожиданное, зачастую сниженное или бытовое воплощение.

Подобное происходит и в прозе А. А. Аствацатурова. Пародийный герой в его произведениях может быть таким же «путешественником», как Одиссей, но его странствия ограничиваются служебной командировкой или походом в супермаркет, – тем самым нарушается героическая вертикаль и появляется горизонталь повседневности (на смену пафосу трагедии приходит ирония). Пародийный герой может быть похож на Сизифа, но сам герой перестает восприниматься трагическим – все его действия напоминают череду алгоритмов, создавая эффект стабильности.

Важно подчеркнуть, что пародийное удвоение не уничтожает миф, но и не просто его копирует: оно вступает с ним в диалог. В таких текстах мифология сохраняется как культурный слой, но она уже не догматична, а пластична, иронична, податлива. Пародийный двойник – это способ выявления не только несоответствия между мифом и реальностью, сколько самого механизма мифотворчества, его уязвимых мест и внутренних противоречий.

Юмористические двойники – это не просто элементы комического, а полноценные участники мифопоэтического процесса. Они способствуют трансформации мифа, раскрывая его подвижную природу, открывая пространство для критического осмысливания и одновременно позволяя сохранить связь с мифологическим мышлением через юмор, игру и культурную самоиронию.

В романе «Скунскамера» мифопоэтика приобретает не архаизирующую, а постироническую форму. Юмористическое осмысливание культурных символов не разрушает их, а лишь указывает на их продолжающееся влияние в измененном виде.

Через ряд микроэпизодов А. А. Аствацатуров создает особую мифологию памяти, в которой ирония становится инструментом эмоционального дистанцирования и одновременно – способом сохранения культурного кода в новой, адаптированной форме.

Заключение

Мифологические образы в произведениях А. А. Аствацатурова обретают новые, зачастую ироничные значения, становясь метафорами стабильности, комфорта, привычного порядка в жизни. Ответ на вопрос, почему реальность предстает именно в таком ироническом мифологическом контексте, дается самим героям: «Всё, не только наш дом, решительно всё стало клоунским, смешным, нелепым – от бутылок до членов парламента. Всё, кроме самих клоунов, кроме платных сатириков и юмористов. Эти вдруг поскучнели, почему-то стали производить впечатление людей туповатых, хотя прежде, в советские времена, казались очень умными» [\[3, с. 79\]](#).

Герой А. А. Аствацатурова замечает, что даже профессиональные сатирики стали невыносимо скучными – и это становится ключевым моментом: в условиях тотального контроля клоунада, ирония перестают выполнять свою функцию. Там, где раньше смех был освобождением или разоблачением, теперь он не способен отделить ложь от истины, потому что все категории смешались. Это и есть суть экзистенциальной тревоги: нельзя ни верить, ни смеяться, ни сопротивляться, потому что исчезла сама возможность различия. Присутствующая тревога – это реакция на распад символической реальности, на утрату различия между сакральным и профанным, между пафосом и фарсом. В советское время существовали рамки, пусть и жестко идеологизированные, но они создавали структуру мифа, в которой герой мог функционировать, пусть даже в оппозиции. После распада остается только разложение символов. И это вызывает не смех, а рождает тяжелую иронию – один из самых устойчивых мифопоэтических регистров постсоветского романа.

Символика, напрямую или косвенно связанная с мифами, оказывается интегрирована в иронический контекст. Благодаря этому задается особое восприятие различных смысловых пластов произведения: «Помню надпись „СЛАВА ДРУЖБЕ НАРОДОВ!“ на огромном щите, воткнутом, как мне хотелось тогда верить, рукой какого-то доброго хозяина-великаны возле тротуара на проспекте Мориса Тореза. Однажды в семилетнем возрасте меня и моего друга Арчи родители вывели погулять. Мы все вышли на проспект, и отец Арчи, показав большим пальцем на щит, сказал моему папе: – Лёня, обрати внимание! Там, куда мы протягиваем руку дружбы, люди обязательно протягивают ноги» [\[3, с. 26\]](#). То, что, казалось бы, должно свидетельствовать о смерти мифа – попытка высмеять, сделать менее значимым – на деле имеет иной эффект.

Миф о Сизифе утрачивает трагический компонент, превращаясь в метафору устойчивости, повторяющиеся действия рассматриваются как процесс, обеспечивающий не разрушение, а гармонию и предсказуемость в жизни героя. Миф об Одиссее, по Аствацатурову, из истории, в основе которой – стремление к открытию нового, трансформируется в символ обычной повседневности, где путешествия и возвращения – это не поиск смысла, а ритуалы, поддерживающие стабильность. Переосмысление связано не столько с разрушением мифов, сколько с их адаптацией к новой культурной реальности, в которой героизм уступает место рефлексии, а подвиг – привычке. Подобный подход к мифу позволяет автору не только осмыслить мифы как универсальные культурные коды, но и адаптировать их к метамодернистскому контексту. Через юмор, иронию и переосмысление классических образов автор показывает, как мифы продолжают жить и менять формы, открывая новые горизонты для понимания

человеческой реальности и идентичности.

Библиография

1. Аникин Д. А. Исторический миф как предмет "memory studies": в поисках методологии исследования // Электронный научно-образовательный журнал "История". 2018. № 6(70). С. 6-8.
2. Аствацатуров А. Осень в карманах: роман в рассказах. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 287 с.
3. Аствацатуров А. А. Скунскамера: роман. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 252 с.
4. Барт Р. Мифология / Пер. с фр., вступ. ст. и комм. С. Н. Зенкина. Москва: Академический проспект, 2008. 353 с.
5. Белогорцев А. Д. Автофикшн, или Псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 23-33. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-23-33 EDN: AAUVMA.
6. Бродский И. Малое собрание сочинений. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 880 с.
7. Вершина В. А., Михайлюк А. В. Миф в современной культуре // Гилея: научный вестник. 2015. № 95. С. 234-238. EDN: TTGZKZ.
8. Воеводина Л. Н. Мифотворчество как феномен современной культуры: дисс. ... д-ра философ. н. Москва, 2022. 282 с.
9. Галанина Е. В. Миф как реальность и реальность как миф: мифологические основания современной культуры: монография. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2013. 130 с. EDN: UEPKQT.
10. Гомер. Одиссея / Пер. В. А. Жуковского // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / Редкол. И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилякова и др. М.: Яз. рус. культуры, 1999-... Т. 6. Переводы из Гомера. "Илиада". "Одиссея" / Сост. и ред. О. Б. Лебедева, А. С. Янушкевич. 2010. С. 25-347.
11. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 90-92.
12. Ковалев Б. В., Жуков А. П. Человек отчужденный в романах А. А. Аствацатурова "Не кормите и не трогайте пеликанов" и Х.К. Онетти "Короткая жизнь" // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 183-193. DOI 10.34216/1998-0817-2021-27-3-183-193. EDN: WPDKHG.
13. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. С-Пб.: Питер, 2018. 308 с.
14. Леви-Строс К. Первобытное мышление / Пер., вступ. ст., примеч. А.Б. Островского. М.: Терра-Книжный клуб: Республика, 1999. 384 с.
15. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Т. 4. Человек голый. М.; СПб.: Университетская книга, 2007. 784 с.
16. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии. СПб., 1994. С. 25-42.
17. Мелетинский Е. Поэтика мифа. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
18. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. II. М.: Советская Энциклопедия, 1992. 719 с.
19. Мусатова Т. О. Языковая игра на грамматическом уровне в художественных текстах Андрея Аствацатурова // Молодой ученый. 2022. № 19(414). С. 486-488. EDN: HFXHLV.
20. Мусатова Т. О., Пантелеев А. Ф. Каламбур как особенность постмодернистского текста (на примере творчества А. Аствацатурова) // Libri Magistri. 2023. № 3(25). С. 151-159. EDN: GIWMKS.

21. Наср М.Т. Литературный герой в современном российском интеллектуальном романе XXI века // Litera. 2022. № 1. С. 78-90. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.1.37224 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37224
22. Наумова Л. Н. Функции внутренних диалогов в современной Отечественной литературе на материале произведений В. Пелевина, М. Елизарова и А. Аствацатурова // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 14. С. 611-615. EDN: PWVWQS.
23. Пантелеев А. Ф., Мусатова Т. О. Языковая игра в художественной прозе А. Аствацатурова: лексический и словообразовательный уровни // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 98, № 3. С. 127-134. DOI 10.18522/2070-1403-2023-97-2-127-134. EDN: QURVTP.
24. Пилюгина Е. В. Мифы, мифологемы и идеология как инструменты влияния на социальную действительность в условиях информационной войны // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2015. № 6. С. 166-182. EDN: VJFQBR.
25. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
26. Рязанова С. В. Роль теории архетипов в анализе мифа // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 12-16. EDN: PLBHDH.
27. Рудакова С. В., Жавнерович М. С. Мифологическая коммуникация в раннем творчестве Виктора Пелевина // Культура и цивилизация. 2023. Т. 13. № 7-1. DOI: 10.34670/AR.2023.67.79.004 EDN: HVRTDY.
28. Самуэлс Э. Юнг и постъюнгианцы. Курс юнгианского психоанализа. М.: ЧеPO, 1997. 443 с.
29. Серкина М. А., Подковальникова А. С. Аспекты психологизма в псевдоавтобиографической прозе Андрея // Донецкие чтения 2024: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы IX Международной научной конференции, Донецк, 15-17 октября 2024 года. Донецк: Донецкий национальный университет, 2024. С. 260-263. EDN: GBLVZT.
30. Соколова П. В. "Маленький" герой прозы Аствацатурова // Художественный текст глазами молодых: Материалы IV международной научной конференции, Ярославль, 26 октября 2019 года / Сост. М. Г. Пономарева, Е. А. Федорова. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2020. С. 268-272.
31. Ставицкий А. В. Роль мифа в современном обществе // Ценности и смыслы. 2019. № 3(61). С. 47-60. DOI: 10.24411/2071-6427-2019-10068. EDN: ALFMKJ.
32. Хабиров К. А. Мифопоэтика в видеопоэзии // Libri Magistri. 2022. № 4(22). С. 139-149. DOI 10.52172/2587-6945_2022_22_4_139 EDN: XVXROF.
33. Чубукова Е. И. Мифологическая концепция коммуникации Р. Барта / Е. И. Чубукова // Сборник в честь 90-летия профессора М. И. Шахновича. Вып. 8. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. URL: [http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta-\(20.05.2025\)](http://anthropology.ru/ru/text/chubukova-ei/mifologicheskaya-koncepciya-kommunikacii-r-barta-(20.05.2025)).
34. Шемякина Е. М. Мифологические модели в современной культуре деловых коммуникаций // Массовые коммуникации на современном этапе развития мировой цивилизации. М.: Гуманитарно-социальный институт, 2015. С. 250-254. EDN: VCBILV.
35. Юнг К. Г. Архетипы коллективного бессознательного. М.: Аст, 2023. 224 с.
36. Armstrong K. A Short History of Myth. Edinburgh - London - New York - Melbourne: Canongate, 2005. 64 p.
37. Bhabha H. K. The Location of Culture. London and New York: Routledge, 1994. 295 p.
38. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 154 p.
39. Frye N. Anatomy of Criticism. With a Foreword by Harold Bloom. Princeton University Press, 1957. 400 p.

40. Hayles N. K. Electronic Literature. New Horizons for the Literary. University of Notre Dame Press, 2008. 223 p.
41. Marcucci G. Smells, Things, Sounds: Signs of the Past in the Works by A. Astvatsaturov // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11, No. 3. P. 374-384. DOI 10.17516/1997-1370-0233. EDN: YWSDJQ.
42. Ryan, Marie-Laure. Narrative as Virtual Reality: immersion and interactivity in literature and electronic media. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2001. 399 p.
43. Sandner D. M. Fantastic Literature: A Critical Reader. Bloomsbury Publishing, 2004. 376 p.
44. Warner M. From the Beast to the Blonde: On Fairy Tales and Their Tellers. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1995. 518 p. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает мифопоэтика образа героя в романах А. А. Аствацатурова. Актуальность работы определяется как научным интересом к феномену мифа («актуальным становится переосмысление мифологических архетипов в условиях метамодернистской культурной парадигмы, в которой размываются границы между серьезным и ироническим, сакральным и профанным, устойчивым и фрагментированным, наблюдается сдвиг от классического мифологизма к новым формам мифопоэтического письма, ориентированного и на деконструкцию, и на реконфигурацию утраченного смыслового пространства»), так и к творчеству Андрея Алексеевича Аствацатурова, одного из ярких писателей современной литературы, активно работающих с мифологическим компонентом («имя его хорошо известно в академических кругах, а художественные произведения ценятся за интеллектуальную насыщенность, стилистическую точность и ироничную рефлексию над культурным наследием (как отечественным, так и западным)»).

Теоретической базой научной работы послужили фундаментальные и актуальные труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные архетипам коллективного бессознательного; поэтике мифа; морфологии волшебной сказки; мифологическим моделям в современной культуре деловых коммуникаций; роли мифа в современном обществе; литературному герою в современном российском интеллектуальном романе XXI века; различным аспектам творчества Аствацатурова, в том числе жанровым и композиционным особенностям его прозы, авторской идиостилистике и его языковым экспериментам и др. Библиография составляет 44 источника, в том числе литературные, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод обобщения, социокультурный и художественный анализ, литературоведческий и текстуально-герменевтический анализ произведения, культурно-исторический метод, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также мифопоэтический метод.

В ходе исследования проведен качественный анализ изучаемой проблематики: подробно рассмотрены такие ключевые мифологические образы, переосмыслиемые А. А. Аствацатуровым в его литературной практике, как Одиссей и Сизиф, проанализирована

тема двойничества. В заключении сформулированы обоснованные выводы о специфике мифологических образов в произведениях А. А. Аствацатурова, которые «обретают новые, зачастую ироничные значения, становясь метафорами стабильности, комфорта, привычного порядка в жизни», «символика, напрямую или косвенно связанная с мифами, оказывается интегрирована в иронический контекст», «переосмысление связано не столько с разрушением мифов, сколько с их адаптацией к новой культурной реальности, в которой героизм уступает место рефлексии, а подвиг – привычке» и др. Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение и интерпретацию новой мифопоэтики; в выявление особенностей переосмыслиния и интеграции древних мифологем в современном русском романе, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, лингвопоэтике, стилистике художественной речи, идиостилю А. А. Аствацатурова и др. Представленный в работе материал имеет логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения четкая. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».